

Маша Сталкина

ЛЁ JOURNAL

Мишель Ставский

Лё журналъ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10415980

ISBN 9785447410704

Аннотация

«Лё журналъ» – это небольшой сборник записей молодого учителя, отправленного на отработку в совершенно обычную школу. Короткие истории из жизни и работы человека, оставленного наедине с кучей долгов перед родиной.

Содержание

Au lieu de la préface ¹	5
Tu dois ²	8
Ribotes et vanité ³	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лё журналъ

Мишель Ставский

© Мишель Ставский, 2015

© Антон Вертер, дизайн обложки, 2015

Корректор Владислав Белодед

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Автор выражает глубокую признательность за содействие и поддержку в издании книги Д. Науменко, С. Корзенко, Д. Ярмаковичу, М. Рудаковой, Д. Теслюкевичу, Т. Крышковской, И. Ивановой, С. Боровой, О. Владыко, Л. Красницкой, А. Боровскому, Т. Карюшиной, Н. Сикорскому, Е. Крышковской, А. Диченко, А. Дурнопейко, А. Соколовской, А. и О. Ворошкевичам, В. Попене, А. Седовой, А. Кириченко, А. Зверевой, В. Зенчик, Э. Бабарико, О. Кульша, М. Лабовичу, Н. Моминовой, Д. Сутямову, Е. Антони, В. Белодеду, Е. Ставской, В. Серко, а также своим родным и близким.

Au lieu de la préface¹

Я всегда мечтал работать на винно-водочном заводе. Дегустировать местные вина и придумывать названия новым сортам. Благо такой напиток у нас делают из яблок и перегнивших ягод, так что каждый год нужно оценивать все новые и новые его виды.

Всякий раз я замираю перед витриной в магазине и рассматриваю этикетки на бутылках: «Веселая карусель», «Таинственная незнакомка», «Поздняя любовь», «Александр и я». Мое любимое – «Муза». Она приходит уже с первым глотком и отпускает из своих объятий нехотя и только через сон. Но местные ценители вин называют их просто «фастадами», «бомбами», «детскими» или «взрослыми» в зависимости от объема; труд автора этикетки остается незамеченным. Названия, что томились в чьей-то голове, остаются без должного внимания и даже не обрекаются на забвение, их просто не замечают.

Но на такую работу меня не взяли – не прошел плотное собеседование; поплыл, едва притронувшись ко второй порции плодово-выгодного эликсира, так что даже должность тестировщика мне не светила. Пить, как оказалось, тоже в своем роде искусство. Вместо этого отправили на два го-

¹ Вместо предисловия

да преподавать французский язык школьникам. Вот такая расплата за желание получить знания в этой потрясающей стране. Ты учишься годами, а затем тебя сплавляют насильно черт знает куда на пару лет. Все вокруг говорят, мол, ничего страшного, все через это проходят, не так уж это и плохо. А я всего лишь хотел давать французские названия местным сортам плодовых вин.

Не то чтобы я не знал, что меня ожидает после окончания университета. Я, как и многие другие, уверял себя и надеялся, что уж как-нибудь смогу избежать этой проказы, но как всегда вышло все иначе. Мне сообщили, куда и когда необходимо явиться. И на всякий случай добавили, что меня ждет, если не отработаю свой священный долг перед родиной. Я все еще надеялся услышать название любимой улицы, что день и ночь пахнет брагой, но нет, это был адрес вполне себе обычной гимназии.

Тогда-то это все и началось, все эти слабо связанные друг с другом и с реальностью истории. Началось давно, но, как видится сейчас, закончилось довольно быстро. Прошлое моментально комкается, словно листы бумаги, и из него часто видны только заглавные буквы минувшего или кое-какие моменты, начерканные на полях. Самое главное. Поэтому я и решил оставить на бумаге то, что совсем скоро забудется и вряд ли когда-то захочется вспомнить. Дети ведут дневники, чтобы получать отметки и записывать задания, а я вел журнал, чтобы расписаться за ошибки прошлых лет.

(Во избежание любых недоразумений или проблем настоятельно прошу взявшего в руки эту книгу отбросить все дурные мысли и предположения о порочной связи написанного ниже с Зимбабве в снегах)

Tu dois²

Местные говорят, что в Америке живут одни толстые, ну просто обвисшие жиром люди. Поэтому всякий раз, когда захожу в троллейбус или автобус, я напрягаюсь и перехожу на свой ужасный английский, чтобы культурно разминуться с какой-нибудь женщиной, загромоздившей весь проход, явно не рассчитанный на гостей с далекого запада. Я совершенно нормально отношусь и к полным, и к худым, но бывают такие случаи, когда к стеклу тебя прижимает своим пузом женщина-контроллер, и так и хочется заглянуть в ее паспорт: неужели и вправду американка? Хотя что-то в их акцентах меня смущало, не говоря уже о хамстве.

Но в то утро я ехал на работу не в компании пропахших потом американцев, а под пристальным взглядом сидевшей напротив бабульки, успевшей меня уже обогнать и огреть одной из своих сумок, пока заходила в салон. Кроме бабки в троллейбусе было еще несколько человек: рабочие, что тянулись на окраину города или похмелившись, или занятые этим делом, да пару странных личностей вроде меня. На таких посмотришь – и ничего определенного даже сказать нельзя. Из своего района, старого и безнадежно тусклого, я еще выезжал вместе с советскими пенсионерами, внешне на-

² Ты должен

поминавшими фриков, разодетых, как и полагается, по модам забытых времен. У таких людей уже не оставалось ничего, кроме как куда-нибудь ехать и стоять в бессмысленных очередях, поэтому я вежливо уступал место и дожидался своей остановки, занятый изучением их глубоких морщин или разглядыванием грязных зданий за окном. Затем я сел на троллейбус и ехал прямо до работы, но уже в компании совершенно других людей.

Я наблюдал, как серые многоэтажки сменяются унылыми оврагами, заправками, другими многоэтажками и отсчитывал в голове остановки. Моя была седьмой. А бабка все это время бесцеремонно пялилась на меня. Так, наверное, смотрят на негров где-нибудь в северной провинции, готовясь то ли плюнуть в рожу, то ли вовсе по нему заехать. И я тоже пытался смотреть бабке в глаза, но они, потерявшие уже всякое воспоминание о цвете, были слишком дикими. Мне казалось, вот-вот она откроет рот и что-нибудь крикнет или скажет хотя бы, поэтому я готовился отстраниться как можно дальше на тот случай, если вместе со словами в меня полетит и ее слюна.

– «Отче наш» знаете? – все-таки спросила женщина, но как-то спокойно и заискивающе и уже предвкушая мой грешный ответ, протянула вперед бумажку, интимно наклонившись. Она пыталась изобразить одряхлевшими по выслуге лет мышцами улыбку на лице, но то еще больше покрылось змейками морщин и складок. – Это хорошая молитва.

Ее Иисус Сам написал. Берите-берите, – и еще настойчивее стала махать исписанной бумажкой.

Уже несколько месяцев как я пытался избегать всяких контактов с людьми – разговаривать мне становилось все труднее, а необходимости в этом я видел все меньше. Но, несмотря на мои желания, бичи все также просили у меня денег или сигарет, а святоши всевозможных религиозных домов пытались затянуть в свои лона. Обсуждать Бога в троллейбусах и подъездах мне казалось пошлым, хотя раньше этим я баловался постоянно. И поэтому бумажку с молитвой я не брал, а монашка уже не тыкала ей мне в лицо и стала копошиться в одной из своих огромных сумок. Сейчас достанет огромный крест и раскроит мне голову – думал я – будет бить, пока не лопнет моя черепная коробка и не появится повод прочесть не одну хорошую молитву. Затем она еще проедет несколько остановок, как раз до подходящего храма, и спокойно выйдет, все так же улыбаясь, как это умеют делать только упавшие в божественный омут женщины возраста дикой тоски. Но бабка ничего сделать не успела: в салон вошли две женщины, фигурами немного напоминавшие американок, в специальных костюмах и с компостерами в руках.

– Предъявляем оплату за проезд!

Нет, явно не американки, хотя вполне возможно, что увлечены достижениями заморской культуры. Я протянул свой проездной контролерше, подставившей валидатор.

– Спасибо, – она сверкнула золотыми зубами. Я всмотрелся в бейджик, скромно висевший на ее необъятной груди – некто Светлана Петровна. Нет, не американка. Снова обознался.

– Ваш проезд, пожалуйста.

– Ой, извините. Я уже выхожу, – моя соседка не поднимая голову, втянула ее в плечи и согнулась в смиренной позе.

– Женщина, предъявляем плату.

Старушка влажными глазами посмотрела на своего изверга, но, не заметив никаких изменений в последней, демонстративно отвернулась и уставилась в окошко.

– Я не буду платить, – гаркнула бабка, прижала к себе еще сильнее свои потертые сумки.

– Женщина, вы должны оплатить проезд, – Светлана Петровна повысила голос и приблизилась к пассажирке так, что лицо верующей оказалось в считанных сантиметрах от живота, выпирающего из-под дающей необъятные властные полномочия голубой жилетки контролера. – Вы обязаны оплатить штраф.

– Ничего я платить не буду. Вы уже совсем там зажрались! Проезд растет каждый месяц. А вам все мало и мало! Вы хоть знаете, какая у меня пенсия? Вам стыдно должно быть! Мало того что одни сволочи людей вечно грабят, так и вы еще здесь! Ничего я платить не буду! – бабка начинала заводится, обещая разыграть одну из моих любимых постановок в общественном транспорте с матами, криками, оскорб-

лениями и пинками под зад. А в тот день я волей судьбы и вовсе оказался в первом ряду.

– Женщина, вы должны оплатить штраф за безбилетный проезд, иначе мы вызываем милицию.

– Вызывай! Давай! Я – ветеран!

Вторая женщина-контролер уже тоже была рядом. Обе они схватились за поручни, преграждая живой стеной выход из троллейбуса. Если бы я разогнался и на бегу врезался в них, упали бы они или меня бы отпружинило от этих мягких мясных подушек? Но разбежаться мне было негде, поэтому я немного привстал и просунул голову под широкой рукой, казалось, навечно соединившей туловище слуги народа и поручень, проскользнул всем телом под ней и подошел к дверям – постановку свободного театра мне досмотреть не досталось. Я вышел из троллейбуса и направился к серому типовому зданию за прозрачным забором – школе, где приходилось отбывать свой срок.

То было не очень примечательное здание, безвкусное и унылое, впрочем, как и все в этой стране, построенной по чьим-то убогим замыслам и весьма сомнительным представлениям о хорошем. И чем ближе я подходил к школе, тем отчетливее ощущал мощный поток звуков, исходивший изнутри. Видимо, уже началась перемена, и дети по своему обыкновению выплескивали энергию и показывали удивительную жажду жизни и бурной деятельности, но выбирали для этого самые прозаичные формы.

Милые существа, не успевшие еще толком нагрешить, превращаются в ревущую орду, стоит им только собраться вместе. Не обремененные моральями, этикетами и прочими забавами более поздних лет, они доходят до крайностей, барахтаясь в грязных омутах своих невинных и винных страстей. Им еще многое незнакомо и неизвестно, поэтому все самое мерзкое и безобразное из человеческой породы они готовы выбрасывать из себя не сильно задумываясь о последствиях или внешнем виде. Именно поэтому, когда у меня спрашивали что-нибудь вроде «Как вы относитесь к детям?», я совершенно терялся с ответом. Мне нечего было сказать кроме пары десятков непечатных фраз, что совершенно, казалось бы, не свойственно учителю. Но я был учителем по принуждению, не по своей воле, так что вечно приходилось держать рот закрытым или просить прощение за свою бестактность. Вообще, в стране, где меня вытянули из лона матери, лучше всего думать, что говоришь, или вообще ограничиться одним из этих действий.

– Доброе утро. От 321-й ключ, пожалуйста, – я подошел к вахте, где сидел дед в форме охранника и синей официальной кепке со странным гербом, и попытался перекричать шум. Этот дед любил мне рассказывать о своих обожаемых внуках, а я не любил слушать. Это было что-то вроде игры: мне нужно было придумать способ тактично его перебить, чтобы попросить ключ, а он молол языком похлеще базарных женщин. Обычно много говорят о жизни те, у кого она

бедна на события. Так и у этого вахтера. Единственное, что у него осталось: переживать жизни своих детей, совершенно забыв о своей собственной. Поэтому я еще громче повторил свою просьбу, но он и не думал открывать шуфлядку с ключами.

– Зайди к завучу, тебя вызывали и не нашли. К этой, как его, – вахтер что-то пытался изобразить руками, но я не понимал, о которой из властных женщин он говорил. – К этой, что волосы так наставлены, – он соорудил из собственных ладоней домик над кепкой.

Я понял, о ком шла речь, сказал спасибо и пошел к кабинету, куда вызывают только послушать приказы или потоки ругательств. Вроде как ничего плохого я сделать ни вчера, ни сегодня еще не успел, и именно это заставляло насторожиться еще больше. Значит, что-то нужно будет сделать во благо отчизны, школы или просто нужно.

– Добрый день, – я постучался и открыл дверь.

– Здравствуйте, заходите-заходите, – завуч поднялась со своего кресла и стала рыться в бумажках на рабочем столе. – Так, садитесь. Берите ручку и записывайте. Улица Яблоневая, дома 25, 26, 27. Вот список всех детей, прописанных в этих домах. Вы должны пройти по всем адресам и уточнить, где они учатся или в какой детский сад ходят. И запросить подтверждение в тех школах. Ясно? Затем вы приносите мне свою тетрадь, и мы вносим все данные в компьютер. Все понятно?

– Нет, – я перевел взгляд с тетради на тучную женщину и попытался понять, какое отношение это все имеет ко мне.

– Что здесь непонятного-то? Ну если по адресу никто не откроет, звоните в справку, узнавайте номер телефона и связывайтесь уже как придется.

– В смысле?

– Что «в смысле»?

– Почему я должен этим заниматься вообще? – я положил тетрадь на стол.

Завуч с удивлением смотрела на меня и открывала рот, пытаясь что-то сказать, но звуков при этом не издавала и стала похожа на огромную упитанную рыбу, с каждой секундой красневшую все больше и больше. Такие вопросы, видимо, здесь задавать не принято, поэтому и готовых ответов на них нет.

– Все учителя должны этим заниматься, – наконец он выдавила из себя. Многие люди в этой загадочной стране уверены в своих и чужих долгах, вот только объяснить, что, кому и почему все оказываются должны, они не могут. Просто должны.

– Должны?

– Все учителя должны подготовить данные по всеобучу!

– Я, видимо, многого не знал о работе учителей.

– У вас неделя, – женщина всучила мне в руки выдавшую виды тетрадку и стала демонстративно копошиться в бумагах, заваливших весь стол.

– Извините конечно, но у меня нет времени этим заниматься, – я уже встал и снова обратился к вершительнице нескольких десятков судеб.

– Так, что вы себе позволяете? Ваши коллеги из года в год занимаются такими делами, и никто еще ни разу не жаловался. А вы! Хрупкие женщины выполняют поручения, а вы не сможете? – завуч уперлась массивными кулаками в стол и наклонилась чуть вперед, желая, наверное, произвести впечатление готовой к атаке пантеры или какой-нибудь другой хищной кошечки.

Говорить мне с ней было не о чем, а слушать крики голосистых женщин мне никогда особо не нравилось. Я взял тетрадь и пошел к двери, за спиной у меня еще раздавался стервозный женский голос:

– У вас неделя! Слышите?! Неделя!

Я слабо представлял, что от меня требовали. Какие дома, и какие к черту дети? Какие детские сады? И что это вообще такое? Со временем ты перестаешь задавать такие вопросы, ведь оказался далеко не в лучшем месте для поиска разумности.

В учительской была только молодая англичанка. Она сидела на диване с точно такой же тетрадкой в руках, едва сдерживая слезы или весьма талантливо играя. Она вечно на что-нибудь жаловалась, хотя всё новые и новые долги, навешиваемые на шею, принимала без ропота, только позже купала их в собственных слезах. Поэтому общение с ней, а точ-

нее пустые разговоры, могли понравиться лишь тем, кто действительно получал удовольствие от чужих проблем. Желчный поток ее жалоб лился не переставая с самого первого дня отработки, и ничего не предвещало, что он окончится в ближайшие два года. И будь я хоть немного более любопытным, непременно бы захотел встретиться с ней спустя какое-то время и проверить, неужели она и дальше будет выставлять на всеобщее обозрение свои фекалии, обмазываясь ими и получая от этого настоящее удовлетворение. Конечно, понуть и поскулить любили многие, и я здесь никакое ни исключение. Кто этим здесь не грешил? Но только она, юная англичанка, добилась настоящего успеха, не вызывая при этом ни капли сострадания. Она, как и все мы, была единственным автором своих собственных несчастий.

– Ты тоже должен ходить переписывать детей? – голос у девушки был надрывным и обещающим вот-вот перейти в плач.

– Да, видимо, здесь все всем что-то должны. Всегда.

– Я не знаю, что делать, – глаза ее наливались прозрачной жидкостью.

– Да, – больше мне сказать было нечего.

После уроков я все-таки пошел выполнять доверенное мне дело невероятной важности. Дома, которые приказали обойти, находились где-то совсем рядом, но из-за необычайной одаренности проектировщиков района отыскать их в толпе точно таких же зданий было делом нелегким. Они от-

личались лишь номерами, а других особенностей, казалось, было никому не нужно. Я посмотрел в бумаги – в первом доме жило около десяти детей. Именно их судьбу мне и необходимо было узнать. Имена, фамилии, даты рождения. И еще школы и детские сады. «Здравствуйте. Меня тут отправили из соседней школы узнать, как зовут ваших детей и вас самих». Нет, не пойдет. «Добрый день. Я учитель гимназии номер 25. Мы проводим перепись детей в наше свободное от работы время, потому что идиоты и дураки». Это получше, конечно. «Здравствуйте. Меня зовут Михаил Геннадьевич. Я учитель французского языка из гимназии. И моим священным долгом назначили узнать имена и отчества ваших детей, а также их даты рождения. Зачем? О, это очень важно. О причинах я даже не догадываюсь. Но раз такое поручение получают все учителя страны, значит так кому-то нужно». И всю эту чушь нужно будет сказать, стоя под подъездом и умоляя кого-нибудь из жильцов открыть дверь. Проще уже сразу предложить поговорить о Боге и пообещать лоу-кост билеты прямоком в рай, как это делают другие любители походить по чужим квартирам. Главное – не попасть, конечно, к точно таким же альтернативным миссионерам, иначе короткой беседой будет не отделаться, а чай и вовсе пить опасно.

Я стоял у входной двери, курил и все еще обдумывал, что сказать. Затем нажал на цифру, и из домофона послышались протяжные гудки. Старый женский голос спустя несколько десятков секунд прохрипел:

– Да, хххммм.

Я открыл было рот, готовясь сказать «здрасьте», но почему-то молчал и слушал, как голос настойчиво продолжает кряхтеть:

– Алло! Да! Хххммм. Кто это? Кто там? Говорите! Ээ! Да пошли вы все на***. Звонят тут, ***, всякие!

Голос смолк, я улыбнулся и взглянул в тетрадь. Видимо, бабушка или мама девочки Лены, прописанной к квартире, а может и сама она недурно изъясняется матами. И ручкой напротив фамилии ребенка дописал – уехала на ПМЖ в ... Куда мне ее отправить? Может, в Россию? Да, в самый раз. Уехала на ПМЖ в Россию для духовного обогащения. Ее сосед, некто мальчик Леня, учится в такой-то школе, а папу его зовут пускай Степан. Получается – Леонид Степанович. Я писал и дополнял занимательными фактами детские биографии прямо под подъездом дома, где они жили. Кого-то отправлял в вынужденную эмиграцию; кого-то переселял в другие дома и на другие улицы, чтобы меньше писать; кого-то посылал в новые школы или оставлял еще на один год в детском саду – воображению тоже нужен порой отдых.

Тетрадь, исписанную моим корявым почерком, я отнес начальству через две недели. Чтобы не вызывать лишнего интереса и не давать поводов усомниться в моем раздолбайстве и отчаянной безнадежности. Мне даже выписали премию и похвалили, ставили другим в пример и говорили:

– Ведь можете, когда захотите, Михаил Геннадьевич!

Только надо захотеть!

А через месяц я вдыхал пары валерьяны во все том же кабинете завуча, выслушивая постепенно утихавшие упреки. Ее не скупые слезы падали на какой-то серьезный документ на столе, и она все повторяла:

– Вы же должны были ответственно отнестись к этому. Зачем вы так поступили? Теперь всех нас, завучей, директора, вас, лишат премий. Да еще и на ковер вызывают.

Я стоял на ковре, неприглашенный сесть, и наблюдал, как порой болезненно прощаются с нами придуманные кем-то долги.

Ribotes et vanité³

Никогда не понимал людей, что любят осень. По крайней мере, в здешних краях. Это как любить умирание. Становится холодно и темно, и чувство тоски по окончании одной маленькой жизни размером в несколько месяцев весны и лета проходит только с первым снегом. А город возвращается к неподражаемой серости, и только по вечерам, когда, наконец, становится темно, его невзрачность и убогость прячутся. Улицы украшаются тысячами автомобильных фар и огней, что отражаются от луж и мокрых мостовых, создавая иллюминацией иллюзию, будто архитекторы действительно старались над городом или хотя бы не были так бездарны.

Да и время осенью тянется очень медленно. Хотя в итоге все равно растворяется в прошлом не хуже весеннего или зимнего, только следов оставляет меньше.

Той осенью мне было особенно нехорошо. И чем дальше я погружался в нее, тем все становилось тусклее. Я занимался тем, от чего меня воротило, но ничего поделать было нельзя. Дни уже окончательно смешались, и разобраться теперь, какой из них тянулся за окном, было трудно. Суббота иногда выбивалась из этого дешевого сериала: я выпивал. Честно говоря, пить я никогда особо не умел, так что выпивал

³ Выпивания и тлен

немного – и мне становилось хорошо; а если вливал в себя без меры – все катилось к чертям. Я еще не доходил до той стадии, когда начинаешь голым бегать по улице или храпеть за барной стойкой. Слабое здоровье меня от этого ограждало как могло.

Обычно я выпивал в баре, иногда у кого-то, бывало, и дома. Но там пить я не мог: меня и так тошнило от домашних стен, так что вливать в себя виски под кухонные разговоры было делом малоприятным. Я вообще не мог долго находиться в квартире, мне вечно хотелось куда-нибудь уйти. Плевать куда, лишь бы не сидеть как кастрированному коту перед окошком. Но со временем все эти брожения окончательно надоели, хотелось просто выпить. Без всей этой дурацкой словесности.

В барах было хорошо, дорого и спокойно. У нас просто выпивать не любят. Женщинам нужно двигать чреслами под музыку, а мужчинам показывать публике стадии своего опьянения. Ничего особенного. Так что вечно приходилось искать, куда бы податься. Чтоб не смущать никого своим постным ***, как любят говорить живые легенды радости и веселья.

А пока идешь от одного бара к другому, всегда есть время отпить немного из фляги и выкурить сигарету, чтоб не терять формы, иначе придется начинать все с начала. Да и хорошие бары все равно приходилось искать: они обладали потрясающей способностью мгновенно портиться и привле-

кать толпу, а затем закрываться, уступая место точно такому же заведению, только под еще более пафосным названием.

В тот ноябрьский вечер все шло своим чередом: в баре было людно, бармен мешал коктейли, время от времени угощал настойками, а мы пили медленно, с пониманием дела.

– Миша, давай! – Валера ударил легонько своим стаканом мой и выпил до дна. – Женя, сделай что-нибудь похожее, с ромом.

– Как всегда покрепче? – бармен улыбнулся и принялся за работу.

Я тоже допил и попросил повторить – Caribbean breakfast – местный авторский коктейль был крут.

– Ну че, валим в Канаду? – Гена держал в руках телефон и что-то писал, быстро прикасаясь сразу несколькими пальцами к экрану. – Приятель пишет. Он уже три года в Монреале. Говорит, можно первое время у него покентить. Будем бутылки собирать.

– Бутылки? Замечательная перспектива! Отработал два года учителем – и стал собирать бутылки. Ну хоть на жизнь заработать можно, – я улыбался, представляя себя, таскающегося по Плато Мон-Руаяль в поисках заветной тары.

– Ну а что? Что-то новое в жизни не помешает.

– Может, лучше тогда в Германию?

– Ты еще скажи во Францию! Намажемся гуталином, об-

вяжемся простынями и будем заливать, что мы обиженные всем миром арабы, работать не хотим и требуем пособие и бесплатную квартирку где-нибудь в Ницце, поближе к морю. Со своей стороны обязуемся плодить потомство, ничего не делать и пугать всех расправой за нелюбовь к нам же. Тогда, может, что-нибудь еще и выйдет. А так на кассе в супермаркете сидеть, и то, если возьмут.

– Но как-то же люди уезжают, бросают все здесь и валят. И работу находят, и где жить.

– Да, валить надо, короче, – Валера смотрел в свой стакан. – И чем быстрее, тем лучше.

Гена тоже допил, попросил добавки и сказал:

– А тебе не надоело постоянно повторять «надо валить»?

Валера одним глотком усушил стакан, но глаза все равно не поднял.

– Понимаешь, вот уеду я, да? И что? Надо там работу искать, квартиру, друзей, черт возьми. Один я там умру от скуки. А где мне работу найти? Кому я там нужен с этим гребаным дипломом? Сидеть на кассе и улыбаться? Я лучше уж здесь как-нибудь. Хотя эти козлы опять налоги подняли, теперь половину зарплаты уже отбирают. А все потому что «работаю на иностранное предприятие». Кто-то, ***, вообще не работает, и им насрать. А плачу за это я, ты, он, она! – Валера поднял руку и не глядя указал куда-то в сторону, к столикам с людьми. – Понимаешь, достало это уже все. Не могу я больше здесь. Сколько можно? Сколько можно из-

деваться? Давайте еще, ребята, давайте, ничего, мы как-нибудь потерпим! Давайте-давайте! Девальвируйте еще чаще! Ускоряйте инфляцию! Не стесняйтесь! Ввели налог на машину? Введите еще налог на ноги! Запретили выдавать кредиты? Мы же непротив! Зачем нам эти ваши кредиты? Обвалили курс? Пожалуйста, можете и дальше не спрашивать нашего мнения. Никто же ничего не скажет! А если и скажет, то быстро одумается: вы же поможете, мы знаем. Вы нас душили своими ценами, налогами, законами, ментами! А мы, что, не потерпим что ли? А вот и ни хрена я больше терпеть не хочу! Хватит с меня уже этих уродов!

Бармен вышел покурить, так что выпить налить было некому, а лезть через стойку другу явно не хотелось. Хотя, наверное, наоборот хотелось, но алкоголь еще не проник в самые дальние клетки мозга, что отвечают за изобретательность, так что Валера продолжал сидеть на своем месте и вертеть пустой бокал с тающими кубиками льда на дне.

– И кому мы там нужны?

– А кому здесь? – спросил.

– Никому. Никому мы вообще не нужны. И нам никто не нужен. Поэтому я и говорю, что нужно попытаться уехать. Ну, можно ведь попробовать. Пожить, посмотреть, если не понравится, всегда можно вернуться. Зато опыт житейский получишь, все дела.

Я кивнул и допил коктейль. Мне нечего было добавить. Желание свалить жило почти в каждом из нас, кажется,

но решиться на такой шаг могли не все. Смелости не хватало, что ли. Или просто нравилось говорить и строить из себя великомучеников. Я такой же. Все заканчивается только на словах и сумрачных планах.

– Если не откошу от армии, придется уезжать. Год подметать плацы и шагать строем – точно не мое.

– Да, у меня вообще с этим дно. Остается одно: жениться и клепать детей. Тогда только отстанут.

– Да-да-да, Гена. А что ты потом с этими детьми делать будешь? Денег много? К маме с папой привезешь и скажешь: «Вот я какой весь взрослый, детей нарожал, дайте денег». – Валера улыбнулся.

– Да у меня уже половина одноклассников или переженилась, или с детьми на руках. Не понимаю, как так можно? С голой задницей и детей растить? Ну, раз решил, что нужны дети тебе, взрослый, мол, уже, так и обеспечить этих своих детей должен. Ты же за них уже отвечаешь, а не только за себя...

Я вечно выходил из бара первым, куда-то торопился или боялся опоздать, пропустить что-то. Валера и Гена никогда не спешили, и мне вечно казалось, что их пьяные мозги познали время. А мне стоило только выпить – и сразу что-то не так, я должен что-то сделать и побыстрее. Мне нужно было срочно чем-то занять свою голову. Иначе дурацкая тоска снова навалится, а с пьяным ей совладать куда легче. На-

чинаешь думать, перебирать в голове воспоминания, внутри включается своя музыка, под такую клоуны в фильмах стирают краску со своих лиц. И все, ты не знаешь, куда деться. Руки чем занять всегда найдется, а вот с головой хуже: она молчит, предательски молчит.

Я закурил и посмотрел по сторонам: тихо, ничего особенного, как всегда. Улица как улица, невзрачная и бездушная, с лужами и с выбитой плиткой, без людей и без историй. Таких улиц, по которым неприятно гулять, здесь много. По ним мы ходили по делу и без дела, таскались и шлялись, убивая время, а в тот вечер тянулись в следующий бар. Выпивать и вспоминать. На определенной стадии вечера ты всегда начинаешь вспоминать, даже если нечего или будешь это делать уже не в первый раз. Такие слабости. Тут главное не позволять себе останавливаться, иначе так и закончишь вечер в обнимку с уже прожитым и надуманным.

– Надо за сигаретами зайти. Закончились, – Валера посмотрел на время. – Уже все закрыто. Только в «Главный» успеем.

«Главный» – что-то среднее между универсамом, чебу-речной, закуской и рюмочной – располагался в самом центре города, на главном проспекте, скромно взяв на себя функции местного Таймс Сквера. Но только с той оговоркой, что тут возможность выпить и поговорить за жизнь находили не туристы, а публика хоть как-то, но привязанная к здешним широтам по праву прописки или внутренней эми-

грации. Представители самых ортодоксальных и андерграудных течений, декадентские музыканты, университетская интеллигенция, шумный пролетариат и случайные участники этой милой вакханалии вместе выпивали из пластиковых стаканов пиво, разливали водку или баловали себя «плодово-выгодным», разделяя в некоторых случаях на всю компанию смаженку или сочный, выделяющий при нажатии жир и, конечно же, потрясающе зловонный беляш. Патлатые музыканты и беглецы из баптистских общин сбивались в группки и предавались обычным светским беседам под мощный аккомпанемент точно таких же разговоров, проходивших во круг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.